

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России

Во всех отделениях связи продолжается подписка на газету «Кубанский писатель»
Подписной индекс в каталоге «Почта России» – 54713, цена подписки 98 руб. 40 коп.

СОБЫТИЕ

Поздравляем!

Борису Евгеньевичу Тумасову, писателю, учёному-историку, участнику Великой Отечественной войны вручена Всероссийская премия «Золотой венец Победы», в номинации «Художественная литература».

Вместе с ним премией отмечены поэт Андрей Дементьев, писатель и редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков, прозаик Валерий Поволяев.

Крониду Александровичу Обойщикову, Герою труда Кубани, почётному гражданину города Краснодара, поэту, участнику Великой

Отечественной войны, в канун Дня Города присуждена литературная премия имени А. Д. Знаменского, учреждённая администрацией города Краснодара и Краснодарским региональным отделением Союза писателей России за книгу очерков «Годы. Дороги. Встречи».

ПАМЯТНИК СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ В КРАСНОДАРЕ

В Краснодаре, в парке «Солнечный остров», прошло торжественное открытие памятника Сергею Есенину. На мероприятии присутствовали мэр Краснодара Владимир Евланов, представители администрации Карасунского округа,

члены краснодарского отделения Союза писателей России.

Еще в 1995 году по проекту кубанского архитектора Александра Апполонова на средства предпринимателя Сергея Фролова, большого почитателя творчества

великого русского поэта, памятник был установлен на территории краснодарского завода ЖБИ. А потом предприятие «рассыпалось» в неразберихе рыночных преобразований. О том, что есть такой памятник в городе, знали немногие, и только спустя 15 лет по инициативе администрации Карасунского округа и при активном участии предприятия «Парки, инвестиции, туризм» скульптура поэта переехала на новое место.

Торжественное открытие памятника поэту Сергею Есенину состоялось в субботу, 11 сентября, в парке культуры и отдыха «Солнечный остров» города Краснодара.

«Убеждён, этот уголок станет одним из самых любимых горожанами, – отметил на церемонии открытия глава города Владимир Евланов, – сюда будут приходить почитатели творчества Сергея Есенина, здесь будут проводиться различные культурные мероприятия, звучать его бессмертные стихи и песни. И вызывает особую гордость тот факт, что теперь у Краснодара есть свое есенинское место, которое доступно для всех жителей и гостей кубанской столицы». В. Л. Евланов предложил в день рождения Сергея Есенина, 3 октября, возле памятника поэту ежегодно проводить литературные праздники. Эту инициативу активно поддержали кубанские писатели, присутствовавшие на церемонии открытия памятника, С. Н. Макарова, В. А. Архипов, Л. К. Мирошникова, Л. Д. Бирюк, С. А. Медведева, Г. М. Соловьёв, В. А. Деревянко и др.

В честь знаменательного события в парке была организована литературно-музыкальная гостиная. В ней, как и подобает, царил салонная атмосфера: играл струнный оркестр, а присутствующие перешептывались, прижимая к груди томики любимого поэта.

БИБЛИОТЕКЕ СТАНИЦЫ СТАРОКОРСУНСКОЙ ПРИСВОЕНО ИМЯ И. Л. ДРОЗДОВА

3 сентября 2010 г. делегация краевого отделения Союза писателей России приняла участие в торжественном мероприятии «Светлой памяти достоин», посвящённом присвоению библиотеке станицы Старокорсунской имени Ивана Лукьяновича Дроздова, писателя-фронтовика, автора романов «Литейщики» и «Прощание с журавлями», а также серии повестей и рассказов.

В 1938 году его родители Лука Макарович и Мавра Дмитриевна из Оренбургской области переехали на Кубань. Выпускник Старокорсунской средней школы Иван Дроздов прямо с выпускного вечера ушёл в военкомат и вскоре надел шинель курсанта Грозненского военно-пехотного училища. А в июле 1942 года уже в звании лейтенанта он командовал пулемётным взводом и защищал Сталинград. 23 августа, тяжёло раненый, попал в немецкий лагерь военнопленных. Ему удалось бежать. Он участвовал в боях за Днепропетровск, Одессу, в разгроме Яско-Кишневской группировки, освобождал Румынию, Болгарию. После войны, получив образование инженера-металлурга, работал сначала начальником литейного цеха завода «Запчасть» в городе Краснодаре, затем начальником крупнейшего в крае литейного цеха Краснодарского компрессорного завода.

В своём выступлении С. Н. Макарова, председатель КРО СП России, отметила, что «Иван Лукьянович был человеком необыкновенно чутким и совестливым». Кронид Александрович Обойщиков, друг писателя, характеризовал его как человека «необычайной доброты и уважительности, живого, с прекрасным чувством юмора». Кроме того, Обойщиков отметил огромный вклад Ивана Лукьяновича в работу Союза писателей Кубани: 30 лет, с 1966 по 1996 гг., он возглавлял Бюро пропаганды, художественной литературы.

Любовь Кимовна Мирошникова подчеркнула, что «присвоение имени Дроздова библиотеке – хороший знак». Роман писателя «Литейщики», как и другие его произведения, она прочла на одном дыхании. Геннадий Григорьевич Пошагаев в своё время был потрясён романом «Прощание с журавлями» и фактами военной биографии писателя, который «писал кровью и сердцем».

Людмила Дмитриевна Бирюк, обращаясь к широкой читательской аудитории, подчеркнула: «Когда будете читать Дроздова, вы не найдёте ни одного словечка неправды, потому что он писал о себе, обо всём, что передумано и пережито».

Директор библиотеки Ирина Викторовна Чечётка рассказала, что на протяжении ряда лет сотрудники ведут работу по изучению и пропаганде творчества Ивана Лукьяновича, и в дальнейшем планируется создание музея Дроздова. От имени сотрудников библиотеки обращаемся ко всем читателям газеты оказать помощь в сборе материалов о писателе Иване Лукьяновиче Дроздове: книг с его автографами, фотографий и других мемориальных предметов.

О. В. Кирьянова, ведущий методист ИМО МУК ЦБС г. Краснодара ЦГБ им. Н. А. Некрасова

ПАНОРАМА

21 августа 2010 года в картинной галерее г. Славянска-на-Кубани прошла презентация книги «Славянское ожерелье», посвящённая только что прошедшему в городе VII Международному фестивалю славянских народов, в котором приняли участие коллективы из Болгарии, Чехии, Словакии, Хорватии, Беларуси, Украины, а также многих кавказских республик, Ставропольского края, городов и станиц Кубани.

О. В. Почтенко, заместитель начальника отдела культуры района, сообщила, что все участники фестиваля увезли с собой сборники стихов местных авторов. И это должно стать традицией фестиваля.

В книгу «Славянское ожерелье» вошли стихи членов литературных объединений Славянска-на-

Кубани и Славянского района Елены Логвиненко, Фёдора Щусь, Сергея Логвиненко, Владимира Дорошенко, Ивана Погорелова, Людмилы Лутаевой, Алексея Завгороднего. А также авторов, проживавших в городе и районе.

В коллективном сборнике представлены и стихи замечательной поэтессы, члена Союза писателей России Татьяны Дмитриевны Голуб. За свою короткую жизнь ею написаны сотни стихов и баллад, многие из которых стали песнями, вышедшими далеко за пределы Кубани, России.

На презентации присутствовала сестра Татьяны Голуб – Людмила Дмитриевна Лобова. Она рассказала вкратце о творческой жизни поэтессы, о страшной болезни, с которой ей пришлось бороться.

КНИЖНЫЙ МИР

«Спокойно каждый выверяя шаг»

(о рубайте сочинского поэта Анатолия Тихоненко)

С Анатолием Ивановичем Тихоненко мы знакомы очень давно. Он много лет руководит лазаревским литобъединением, а сам – как поэт – исповедует, главным образом, тему казачества, ибо является потомственным казаком.

Сейчас, подводя определенные творческие итоги, он издает свои «Сочинения» в нескольких томах, с которыми читателю еще предстоит познакомиться.

Но, помимо этого, он (неожиданно для меня) выпустил в свет книжку «Рубаи». Я, если честно, не приветствую стремление некоторых стихотворцев работать не в традиционных для русской поэзии жанрах или формах, а пытаться вырастить на российском черноземе японские хокку либо персидские рубаи. Как правило, выходит нечто вторичное и худосочное.

К счастью, бывают и исключения. И, мне кажется, рубаи Анатолия Тихоненко – одно из них.

Писать стихотворную миниатюру – работёнка не из легких.

Но, как считал Н. Гумилев, одаренный поэт имеет шанс на успех, если он «надел на себя вериги трудной формы». А рубаи – как раз из таких, ибо требуют немало таланта, ума и стихотворного мастерства, чтобы добиваться чрезвычайной экономности в

применении средств поэтической выразительности и высокой концентрации смысла. Автор в этом случае должен быть не только поэтом, но и философом, мастером чётких определений, ярких и ёмких, афористических словесных формул. Ведь, как утверждал когда-то Г. Гачев, выбранная автором литературная форма неизбежно диктует свои законы содержанию; так что тень великого Омара Хайяма нет-нет, да и возникает за спиной стихотворца, замахнувшегося на рубаи.

На мой взгляд, О. Хайям «застолбил» в своих миниатюрах определенный круг тем: эротика, винные возлияния, бренность бытия, спор с Богом о разумности и справедливости мироустройства.

Поэтому, чтобы избежать «чужой колеи», Анатолий Тихоненко приложил немало творческих усилий и, за небольшими исключениями, ему удалось создать собственный рубайт со своей, тихоненковской тематической наполненностью.

Врагу не о прощении скажи,
А руку дружбы честно предложи.
И если он тебе ответит тем же,
Такою дружбой вечно дорожи.

Мне кажется, что здесь «озвучена» одна из заповедей православия: «Возлюби врага своего».

Тему христианского всепрощения и любви к ближнему продолжает следующее рубаи:

Позор – больного вызывать на бой.
Ты в сердце гнев (пусть правый) успокой.

Поверь, всегда достоин сострадания
Враг, что повержен хворью, не тобой.

В краткой статье не процитируешь все стихотворения, которые обрадовали меня неожиданностью мысли, зачастую неординарной и по-настоящему мудрой. А вновь перелистывая книжку, я наткнулся на рубаи, иллюстрирующие процесс создания стихов подобного рода:

Затеявши какой-нибудь пустяк,
Глупец, глядишь, от беготни иссяк.
И лишь мудрец великое творит,
Спокойно каждый выверяя шаг.

В аннотации к сборнику написано, что стихи Анатолия Ивановича пользуются читательским спросом, выход каждой из книг ожидается с нетерпением. Многие стихотворения А.И. Тихоненко действительно могут доставить читателю эстетическое удовольствие, а рубаи, кроме того, наверняка сделают более мудрым и побудят к глубоким философским раздумьям.

Валерий Клебанов, г. Сочи.

С любовью к городу

В художественной галерее «Сантал» прошло открытие выставки «С любовью к городу». Были представлены работы, отражающие образ нашего города в разные времена его истории. Картины Г. А. Булгакова, Г. К. Забелина, О. А. Сальковой, Ю. Н. Пономаренко и других художников, собранные руководителем галереи Ниной Антоновной Стрижовой, вызывают щемящее чувство ностальгии об уходящем прошлом. Присутствующие были единодушны в своих призывах бережно относиться к истории, историческим зданиям и уголкам Краснодара.

Поэты и писатели С. Макарова, Н. Василинина, Н. Седов, Ю. Хагуров не только читали стихи, но и рассуждали вместе с мастерами кисти о роли художника в жизни социума, о том, что через творческое единение открываются горизонты, дающие новые возможности для решения глобальных проблем.

«Поэзия Юга России», «Проза Юга России»

Объявление

Краснодарское региональное отделение Союза писателей России объявляет о начале работы культурно-просветительского издательства «Кубанский писатель» над сериями «Поэзия Юга России» и «Проза Юга России». КПИ «Кубанский писатель» оказывает содействие профессиональным писателям и начинающим авторам в издании их произведений.

Контакты: e-mail: id-kp@mail.ru. Телефон: 8-918-355-08-71

Внимание!

Официальный сайт Краснодарского регионального отделения Союза писателей России открыт по адресу

www.sprosia.narod.ru

ПАМЯТЬ

Концерт Фёдора Ивановича Шаляпина

Не всем городам России посчастливилось слышать голос Ф. И. Шаляпина. Кубанцам повезло, быть может потому, что дорога певца на гастроли в Тифлис лежала через южные степи.

Еще в 1909 году, сообщали «Кубанские областные ведомости», предприимчивый делец предложил знаменитому басу выступить в Екатеринодаре. Но только полтора года спустя Ф. И. Шаляпин приехал в город. 13 сентября 1910 года уполномоченный по устройству концертов К. Я. Смоленский послал

телеграмму из Ростова-на-Дону на имя Екатеринодарского городского головы о разрешении продавать билеты музыкальному магазину братьев Сарантиди на предстоящий концерт Ф. И. Шаляпина...

Светлы, нежны сентябрьские дни на юге с запахом далекого дымка, с долгими невысыхающими росами, с серебрящимися летучими паутинками бабьего лета и низким степным солнцем. А по вечерам, когда уляжется шум, над равниной сияет чистая луна и звучит негромкое пение сверчков.

Именно в такой теплый погожий вечер в Летнем театре городского сада состоялось выступление великого артиста. ..Переполнен трамвай. Пролетки, фазтоны, кареты несутся, громяхая по булыжным улицам, спешат пешеходы... настоящее паломничество к месту концерта. И хотя цены были баснословно взвинчены устроителями, зрительный зал едва вмещал желающих услышать Ф. И. Шаляпина.

Дамы в дорогах нарядах, мужчины в смокингах, военные в мундирах заполняли партер, публика победнее – балкон, га-

лерку, а совсем неимущие и подростки – раскидистые деревья, окружавшие театр.

И вот на просцениуме Федор Иванович Шаляпин. Среди мгновенно утихшей публики вдруг раздался голос сверху: «Поздравляем, Федор Иванович, с 20-летием славной деятельности!»

Гром приветствий сотряс стены театра. Именно в Екатеринодаре певец отпраздновал свой 20-летний сценический юбилей. Вновь мертвая тишина, все затаили дыхание.

Ф. И. Шаляпин поёт «Вакхическую песню» А. Глазунова:

Что смолкнул веселия глас?

Раздайтесь, вакхальны напевы!..

В первом отделении Ф. И. Шаляпин исполнил русскую народную песню «Помню, я ещё младёшенька была», «Три дороги» Ф. Кенемана, «Последний рейс» Э. Альнеса, «Два гренадера» Р. Шумана, «Ночной смор» М. Глинки и другие произведения.

Второе отделение было посвящено любимым композиторам – А. С. Даргомыжскому и М. П. Мусоргскому. «Большое моё

огорчение в жизни, – признавался артист в книге «Маска и душа», – что я не встретил Мусоргского... Это всё равно, что опоздать на судьбоносный поезд. Приходишь на станцию, а поезд на глазах у тебя уходит навсегда!»

Фёдор Иванович пел вдохновенно, пел неумолимо – четыре часа подряд! Благодаря вызовам, программа значительно увеличилась. Когда выступление окончилось, публика долго не расходилась: все аплодировали любимому певцу. Федору Ивановичу преподнесли букет с адресом «Певцу-богатырю. От городской театральной комиссии». Печать сообщала о Ф. И. Шаляпине: «Хочется слушать его целую вечность...»

После ужина, глубокой ночью, когда весте были отправлены на вокзал, он сел в ожидавшую его пролетку и попросил кучера поторопиться. Певец был в отличном настроении: он не ожидал, что в далёком, глухом городе у него будет столько почитателей, что его так тепло и сердечно встретят.

С дороги Федор Иванович послал письмо детям в Москву: «15 сентября 1910. Екате-

ринодар. Бориску, Федюшку и Танюшку крепко целую. А сам поеду в горы Кавказские – через Военно-Грузинскую дорогу на автомобиле. До свидания.

Папа». Навсегда запомнился кубанцам этот удивительный вечер, этот большой концерт. Еще живы люди, которым посчастливилось слышать голос певца. Для них это одно из самых дорогих воспоминаний.

Ф. И. Шаляпин придавал особое значение гастрольным поездкам. Концерты в различных городах России он рассматривал как составную часть творческой жизни. Исполнению народной песни, русского романса он уделял такое же серьезное внимание, как и оперной партии. Вот почему Шаляпин был подлинным народным певцом. Именно он воплотил в себе задушевность и стихийный размах, ширь и острый юмор русской песни.

«Много горького и светлого в жизни человека, но искреннее воскресение – песня, истинное вознесение – песнопение», – говорил великий певец.

В. П. Бардадым

НА ПОПРИЩЕ УМА НЕЛЬЗЯ НАМ ОТСТУПАТЬ

«Лицей – вот дом родной!»
А. С. Пушкин

Дом детства – дом особый. Л. Н. Толстой посвятил ему прочувствованные строки в повести «Детство». М. Ю. Лермонтов, изуродованный тяжёлой семейной трагедией, пронёс через всю жизнь поэзию детства: «...И вижу я себя ребёнком и кругом // Родные все места...».

Отец и мать Пушкина были родственниками (троюродные брат и сестра). В стихах поэт ни разу не упомянул ни матери, ни отца. «Ах, умолчу ль о матушке моей?» Но это опять о няне – Арине Родионовне, крепостной «маме».

Обучение детей в семье велось беспорядочно, не считая только изучения французского языка... И возможно оттого: «Лицей – вот дом родной, Отечество нам Царское Село», – напишет позже великий русский поэт [1].

Александровский лицей (в честь императора Александра I) стал учебным заведением, повторившим в миниатюре судьбу реформ «дней Александровых прекрасного начала» [2]. Он давал выпускникам права окончивших высшее учебное заведение. По первоначальному плану в лицее должны были воспитываться младшие братья Александра I Николай и Михаил. Эта мысль принадлежала М. М. Сперанскому (1772–1839), графу, инициатору создания государственного совета, ближайшему советнику императора Александра I. (Стоит отметить, что и ныне в России работает Госсовет). Сперанскому внушало тревогу то, как складывались характеры людей, от которых со временем могла зависеть судьба государства. Если бы план осуществился, то Пушкин и Николай I стали бы школьными товарищами. Николай Павлович был старше Пушкина на три года. (Судьба сводит людей на исторических переломах. Вспомним В. Ульянова и директора гимназии, отца будущего председателя Временного правительства Керенского.)

Лицей помещался в Царском Селе, летней императорской резиденции, во флигеле Екатерининского дворца. Первый директор лицея (с 1811 по 1814) В. Ф. Малиновский пытался оградить учебное заведение от влияния двора, но лицей всё равно изолировал от окружающей жизни. (В. Ф. Малиновский – дипломат, учёный, просветитель, педагог. Автор одного из первых проектов отмены крепостного права (1802 г.) закончил философский факультет Московского университета. В совершенстве владел семью иностранными языками, в том числе восточными. Труды Малиновского «Рассуждение о мире и войне» и записка «Об освобождении рабов» отражали прогрессивные взгляды автора). Директор часто беседовал с воспитанниками не только во время занятий, но и в часы досуга – на прогулках, немало способствуя созданию в лицее атмосферы свободолюбия. Слова Малиновского «Общее дело для общей пользы» стали девизом лицея.)

Е. А. Энгельгардт (1775–1862) – педагог, писатель, второй директор Царскоесельского Лицея прiderживался более умеренных взглядов, чем Малиновский. С Пушкиным не достиг взаимопонимания, высказавшись: «...в нём нет ни любви, ни религии...» Однако позже по свидетельству И. Пущина Энгельгардт пытался отвести от Пушкина угрозу ссылки, обратившись к царю с просьбой пощадить поэта, которого назвал «красой современной нашей литературы» (И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма.) 19 октября 1825 года Пушкин напишет: «Куда бы нас не бросила судьбина // И счастье куда б не повело, // Всё те же мы: нам целый мир чужбина; // Отечество нам Царское Село». (П., т. 2, с. 245).

В лицее не было телесных наказаний в отличие от других учебных заведений, а поощрялся дух товарищества. (Именно этот лицейский дух первого «пушкинского» выпуска и пытался позже старательно выбивать Николай I.) Кроме передовых идей лицеисты осваивали определённый тип поведения: отвращение к холопству и рабоподобному чиновничеству, независимость

суждений и поступков и, главное, чем был отмечен лицей в жизни Пушкина, заключалось в том, что здесь он почувствовал себя Поэтом. И хотя жаловался брату в 1824 году на недостатки проклятого образования, но в 1830-м воскликнул: «Простые игры прошлых лет! // Я изменился, я поэт». Писать и печататься по его собственному высказыванию он начал с 13-летнего возраста, т. е. с 1812 года. У каждого лицеиста была своя комната, а в ней – железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, стол для умывания. На конторке чернильница и подсвечник с щипцами... Спальня Пушкина – № 14, у Пущина № 13.

В лицее процветал культ дружбы. Однако в реальности лицеисты делились на группы, конфликтуя друг с другом. Пушкин примыкал к нескольким, но не был безоговорочно принят ни в одну. Лекции читали прогрессивные преподаватели А. П. Куницын, Л. И. Галич, И. К. Кайданов, Ф. П. Калинин (литература, история, география, статистика, чистописание, иностранные языки...)

«Наставникам, хранившим юность нашу, // Всем честию, и мёртвым, и живым, // К устам поднося признательную чашу, // Не помня зла, за благо воздадим». (19 октября 1825 г., П. т. 2, с. 247).

В лицее ощущалась сильная тяга к литературным занятиям, которые поощрялись всем стилем преподавания. Выходили рукописные журналы «Лицейский мудрец», «Неопытное перо», «Для удовольствия и пользы»... Поэтическим лидером в первые годы был Илличевский. Суд однокурсников не принимал (и не понимал) некоторые стороны поэзии Александра Пушкина, очень важные для него самого: ориентация на этические традиции и крупные жанры. Наиболее тесными были дружеские отношения с Дельвигом, Пущиным, Малиновским и Кюхельбекером. Пушкину было 16, когда Державин рукоположил его в поэты. А Дельвиг в сентябрьском номере «Российского музеума» за 1815 год приветствовал его – автора всего лишь нескольких опубликованных стихотворений стихами: «Пушкин! Он и в лесах не укроется, // Лира выдаст его громким пением».

9 июня 1817 г. на выпускном акте лицея был исполнен прощальный гимн Дельвига: «Простимся, братья!... Правде – да, неправде – нет... в несчастье – гордое терпенье...» Слова эти стали верным паролем в жизни лицеистов. В стихотворении «19 октября 1925» Пушкин писал: «Во глубине сибирских руд // Храните гордое терпенье...» Ссылка на гимн Дельвига была особенно понятна.

В 1812 году сама история вступила на лицейский порог (как тут не вспомнить нашу Великую Отечественную войну!). «Человеком истории» был каждый солдат, кто проходил мимо ворот лицея, чтобы пасть под Бородино, Лейпцигом или на высотах Монмартра... «Вы помните: текла за ратью рать, // Со старшими мы братьями прощались // И в сень наук с досадой возвращались, // Завидуя тому, кто умирать // Шёл мимо нас...» (П., т. 3, с. 432, 19 октября 1836). «Сразились, – Русский победитель! И всячь бежит надменный галл!... В Париже – рос!»

Сдержанная стилистика зрелого Пушкина чужда поэтическим украшениям, это точное описание психологических переживаний лицеистов. Поэзия была ответом на всё. Она становилась оправданием в собственных глазах и обещанием бессмертия. Именно бессмертия – такова была единственная мерка, которой мерилось достоинство стихов.

«Мы – дети 1812 года», – говорили лицеисты. И сразу появилось литературное общество «Беседа любителей русского слова». Ему в противовес возник литературный кружок «Арзамасское общество безвестных людей» (1815) или коротко Арзамас [3]. Члены его в пику «беседчикам» утверждали, что ни во что не ставят звания и титулы, а ценят дарование и талант. Они брали себе имена героев баллад В. А. Жуковского: В. А. Жуковский – Светлана [4], К. Н. Батюшков – Ахилл [5], П. А. Вяземский – Асмодей [6], А. Н. Тургенев – Эолова арфа [7]. А. С. Пушкин пришёл в Арзамас в 1817 году

и получил прозвище Сверчок [8]. Его поэтическое слово словно присутствовало во всех петербургских домах, как и его стихи в списках, расходившиеся в Петербурге.

Нелюбимый ребёнок в родной семье, Пушкин-юноша был не уверен в себе. Появилось стремление первенствовать. По начитанности и знаниям Пушкин значительно опережал своих одноклассников. Но ему не хватало привязанности к родителям. Поэтому он тянулся к тем, кто был старше, в любую минуту готовый взбунтоваться против авторитета и покровительства. Культ Дружбы был неотделим от литературы предромантизма: Шиллер и Карамзин, Руссо и Батюшков создали настоящую «мифологию» дружбы. Поэтому тяга Пушкина к людям «взрослого» мира была заметна: в дружбе с Чаадаевым и Каверыным, арзамасцами и Карамзиным, Тургеневым и Глинкой. Друзья Пушкина всегда и учителя его. Чаадаев и Глинка учат его гражданской твёрдости и стоицизму, другие, как Н. Тургенев, представляли в политической экономии, третьи, как Н. И. Кривцов, «развращают», проповедуя материализм, а четвертые приобщают к гусарским кутежам. Вопрос о влиянии Пушкина на весь этот круг лиц даже не ставился. В 1824 году Пушкин посвятил дружбе четверостишие, окрашенное горечью: «Что дружба? Лёгкий пыл похмелья, // Обиды вольный разговор...» Но укрепляется эпистолярная дружба с Вяземским, в роли друга-издателя, маститого наставника Гнедича, теперь приятель Плетнёв. Среди политических заговорщиков его привлекают молодые: Рылеев, Бестужев, сверстник Дельвиг, Баратынский, Языков, начинающие литераторы: Погодин, Гоголь... Белинский. Среди дружеских привязанностей Пушкина особое место занимал Жуковский, глубокий и тонкий лирик, открывший тайны поэтического звучания. Он был добрым человеком в русской литературе. Мягкость и отзывчивость тоже требуют таланта. (Именно эти качества, на мой взгляд, становятся утерянными сегодня, надеюсь, не безвозвратно.)

В. А. Жуковский (1783–1852) был признанным поэтом в годы учения Пушкина в лицее. «Благослови, поэт...!» обращался в 1816 году к нему лицеист Пушкин. Но в отношении Жуковского к Пушкину не было нравоучительства или покровительства. Жуковский нашёл верный тон любящего старшего брата. В 1820 году 26 марта Пушкин читал ему черновик поэмы «Руслан и Людмила». В знак признания таланта юного поэта Василий Андреевич подарил Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю ученику от побеждённого учителя». Именно Жуковский отвёз немецкому поэту И. Гёте поэму Пушкина «Руслан и Людмила», а Гёте передал в знак благодарности своё гусиное перо, которое Пушкин хранил в сафьяновом футляре.

Арзамасцы провозгласили Карамзина историографом всея Руси. Мальчиком Пушкин видел Карамзина, а позже сдружился с ним и его женой. В неожиданном и трогательном чувстве к Екатерине Андреевне Карамзиной, которая была более, чем вдвое старше поэта, вероятно, значительное место занимала потребность в материнской любви. Это проявлялось в том, что перед смертью Пушкин захотел видеть именно её. Со словами: «Карамзина? Тут ли Карамзина?» Александр Пушкин возвращался в мир своей лицейской жизни и уходил в бессмертия русской литературы.

Комментарии

Царское Село – жемчужина Петербурга, великолепная загородная резиденция российских императоров, построенная ровно 300 лет назад, в 1710 году. На территории Царского Села в XVII веке была усадьба шведского магната Сарская мыза. Название это позже под влиянием русской народной этимологии трансформировалось в «Саарское село», а затем в «Царское Село». После революции, в ноябре 1818 года, город был переименован в

Детское Село Урицкого, а в 1937-м в связи со 100-летней годовщиной гибели поэта – в город Пушкин. Благодаря стараниям архитектора Ф. Б. Растрелли Екатерининский дворец превратился в роскошную летнюю резиденцию, которая в наши дни по красоте сравнима с парижским Версалем.

«Отечество нам Царское Село» – вслед за великим русским поэтом Александром Пушкиным эти слова могли бы повторить и историк Карамзин, и поэт Лермонтов, и многие другие деятели российской культуры. Знаменитый Царскоесельский лицей – а Пушкин был в числе его первых выпускников – стал значительным очагом российского просвещения и образования, более того – очагом критического и вольномыслия.

Фашистские войска, оккупировавшие эту территорию во время Великой Отечественной войны, всё, что можно было похитить из Царскоесельских дворцов, вывезли в Германию. А остальное – разрушили, сожгли, погубили. Даже деревья в парках массово вырубали. В довершение всего, бесславно покидая Царское Село, фашисты заминировали все, что возможно...

Реставраторы и строители, пришедшие сюда после освобождения, выполнили невыполнимые по сложности работы, и Царское Село вошло в историю XX века как символ возрождения России.

1. Первый памятник А. С. Пушкину поставлен в Царскоесельском лицее. Скульптор Р. Бах. Сейчас Царское Село – огромный заповедник с территорией в 300 гектаров. Знаменитый музей-заповедник «Царское Село» – памятник мировой архитектуры и садово-паркового искусства. В 2010 году он торжественно отмечает свое 300-летие. Директор музея-заповедника «Царское Село» Ольга Таратынова, лауреат Государственной премии РФ.

2. Александровский лицей назван в честь императора Александра I. Закрытое высшее учебное заведение для детей дворян близ Петербурга, до 1844 года Царскоесельский лицей. «На поприще ума нельзя нам отступать!» – воскликнул А. С. Пушкин. 10 августа 2010 года исполнилось 200 лет с тех пор, как Александр I начертал на проекте создания в Царском Селе первого в России лицея: «Быть по сему, Александр I». Этот исторический для отечественного образования документ назывался очень просто «Постановление о Лицее». В начале 1811 года вышел указ Сената об основании лицея в Царском Селе. Официальное открытие лицея состоялось 19 октября 1811 года. Александровский дворец построен по проекту знаменитого итальянского архитектора Д. Кваренги в 1792–1796 гг.

3. «Арзамас» – литературный кружок в Петербурге (1815 – 1818)

Арзамас – город, возник в 1578 году. Арзамасская школа (1802–1862). Первая в России частная художественная школа в провинции, основанная А. В. Ступиным (1776–1861). В числе учеников В. Г. Перов.

4. Светлана. Имя было известно по старинному роману «Светлана и Мстислав» А. Х. Востокова. В. А. Жуковский воспользовался им в поэме «Светлана», используя национальную идею народного праздника – Святки.

В 1814 году Пушкин назвал Жуковского «другом» Светланы: «Жуковский, друг Светланы! // Харитами венчанный...» Хариты – в греч. мифологии три богини красоты: Аглая, Ефросина, Талия.

5. Ахилл – в греч. мифологии Ахиллес в «Иллиаде», один из храбрейших греческих героев, осаждавший Трою. Погиб от стрелы Париса.

6. Асмодей – в библ. мифологии злой дух.

7. Эол – в греч. мифологии повелитель ветров.

8. Сверчок, сверчки – род птиц семейства славковых. Пение похоже на стрекотание насекомых сверчков.

65 лет Великой Победы

Перечитывая записи моего мужа Александра Васильевича Стрыгина, его дневники военного времени, вспоминая рассказы о его боевой юности, я вновь и вновь переживаю те страшные события военных и послевоенных лет, которые лишили целое поколение юности и переломали судьбы людей. Эти девочки и мальчики шагнули из детства в ад войны и многие положили свои молодые жизни во имя победы.

Я сейчас как-то по-новому осмысливаю рассказы мужа о страданиях, выпавших на его долю. Видимо, я очень близко к сердцу принимаю каждое слово, чем это было 40 – 30 лет назад, и знаю, почему. Возраст! Теперь я смотрю на военное поколение глазами матери, вырастившей детей.

Вот он, Саша Стрыгин, 17-летний паренёк, вскормленный русской деревней, здоровый, красивый, талантливый, зачислен на первый курс тамбовского артиллерийского училища. Какая радость для всей семьи Стрыгиных! Ведь быть военным было престижно и почётно! Два года пролетели быстро, и летом 1939 года Саша получил аттестат с отличием об окончании учёбы, стал воентехником II ранга ВЧ 74378, вступил в кандидаты КПСС.

Уже тогда Саша писал стихи, читал их со сцены, помещал в стенгазете училища. Он много читал, заучивал и записывал стихи А. Блока, С. Есенина, Надсона, Маяковского – тогда было нелегко приобрести издания. Некоторые тетради с записанными стихами сохранились до сих пор, как и тетради с записями мудрых мыслей и крылатых фраз Монтеня, Ларошфуко, Хемингуэя, М. Горького и других. Понятно, молодой человек работал над собой, стремился не только овладеть профессией, но и повысить свою образованность. И это было не случайно. Довоенная молодёжь стремилась учиться, юноши и девушки после окончания школы смело уезжали в незнакомые города, поступали в вузы, техникумы, жили в общежитиях на скудные стипендии, одевались бедно, питались кое-как. Но учились!

Саша был младшим из троих детей в семье. Старший брат Миша и сестра Дюся учились в вузах Ленинграда, мать работала в колхозе, а затем на строительстве дороги, все силы отдавая детям. Отец давно уже оставил семью, короче, бросил детей. Но дети были дружны, помогали друг другу всю жизнь чем могли, заботились о матери, очень её любили. Её невозможно было не любить. Мария Ефимовна была сама доброта и жертвенность. Она всю жизнь жила то у дочери, то у сына, и всех опекала. Мне тоже посчастливилось быть ею опекаемой. Я её не хотела называть свекровью, только мама. Родная, милая, добрая, ласковая. «Где же ты живёшь», – бывало спросят её. А в ответ: «У меня домов, как у зайца теремов! Я то тут, то там, и везде мой дом!» Умерла она всё же в Тамбове, легла в родную землю, как и хотела. Светлая ей память!

Итак, Саша – воентехник, но образование на этом не завершилось. Политическое руководство училища его направляет на переквалификацию в город Брест-Литовск, и с ноября 1939 г. он уже политрук полковой школы 515 сп 134-й стрелковой дивизии Харьковского военного округа.

Уже шла мировая война, политическая обстановка в мире всё более накалялась, и кадры для руководства в армии готовились ускоренными темпами. Сашу направили в Военно-Политическую Академию имени Ленина, откуда в ноябре 1940 г. перевели в Военно-Политическое училище г. Смоленска. Вот там его и настигла война.

Из училища Саша был послан представителем Политического управления Западного фронта 20-й армии. Решением Военного Совета 20-й армии он был назначен редактором дивизионной газеты «Звезда Советов», и комиссаром отдельного батальона.

С первых дней войны ему дважды выпало участвовать в боевых действиях. Его девизом были тогда слова А. М. Горького: «Не жалей себя – это самая гордая, самая красивая мудрость на земле!» Да где уж там жалеть, когда гибли товарищи в боях, армия отступала, батальон был измотан, в душе только боль и злость.

Вечером 4 октября 1941 года батальон получил задание овладеть деревней Сельцы Кардымовского района. Утром 5 октября начали наступление. «Ползли туманным ранним утром по картофельному полю незамеченными, но вскоре из немецких окопов застрочил пулемёт. Теперь оставалось одно – атака! Встать в рост на огонь! Комиссар обязан поднять бойцов в атаку. «На мой призыв бросилось много бойцов, я это видел» – запишет потом Саша.

Но силы были не равны, исход боя был предрешён. Многие полегли на этом стылом картофельном поле, а комиссар, поднявший батальон, был ранен разрывной пулей в голень правой ноги, потерял много крови, но товарищи вытащили его из-под огня на плащ-палатке, а вечером в медсанбате ему сделали операцию, наложили шину, отправили в полевую госпиталь. Если бы опера-

ДОРОГИ ВОЙНЫ

В Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Д. Фелицына прошёл вечер памяти, посвящённый 90-летию А. В. Стрыгина.

ция не была запоздалой, если бы после неё раненый мог спокойно набраться сил, не было бы потом длительного лечения в госпиталях. Но... Какой покой, какое лечение, когда срочно надо было эвакуировать госпиталь в тыл, войска отступают. На открытых грузовиках автобата поместили раненных, повезли на восток. «И в этом потоке машин и людей была затеряна моя подстреленная жизнь», – запись в дневнике. «Я лежал на спине, укрытый шинелями и брезентом, подо мной гремели какие-то железные детали машин, было жёстко, неудобно, мои спутники, стонали от толчков непрерывно они были ранены в грудь... – читаю я в дневнике. – Вдруг десятки мин с противным визгом понеслись нам навстречу, звонкий треск разрывов послышался кругом. Захлопали дверцы кабин – это водители покидали машины, чтобы укрыться в лесу». Спутники Саши попытались выбраться из машины, но это удалось только одному. Второй же был опрокинут разорвавшейся рядом миной и упал головой на грудь лежащего Саши. «Эта же мина не обошла и меня, – записал потом Саша. – Пробив бинты уже раненой ноги, осколок вонзился в стопу. Я обнял холодеющее тело моего спутника...»

Вот так безоружные, беспомощные раненые и их многочисленные госпитальные врачи оказались в плену у немцев. Они были брошены в холодный коровник, замерзали и умирали там. И если бы не помощь местных женщин, которые приносили раненым то картошечки, то ещё чего-нибудь съестного – не выжил бы никто. Врачи добились у немцев разрешения перевезти больных в здание школы и там делали им перевязки, лечили, как могли. Но вскоре всех молодых людей отправили в концлагерь, за колючую проволоку, в город Вязьму. Но некоторые смогли найти приют в крестьянских семьях деревни Кикино, где немцев не было, и в этом повезло и Саше, который носил теперь имя Павла Боженова. Этим именем (именем своего деда Павла Алексеевича Боженова) Саша назвался по совету военврача Яблокова, который оперировал ему ногу. Совершенно ясно, что нельзя было выдавать ни подлинного имени, ни звания своего, ни партийности.

Павла Боженова приняла семья Анны Филипповны Леоновой, матери троих дочерей 12–17 лет. Анна Филипповна упростила старосту записать Павла как её сына Леоновым Павлом. Павел познакомился с деревенской молодёжью, стали собираться вечерами – читали стихи, играли на мандолине, делились новостями и, в конце концов, организовали партизанский отряд во главе с орденосцем Путинце-

вым. В этот отряд была зачислена и Мария Ивановна Толочкина, медсестра. После войны она вышла замуж за Владимира Путинцева. Было установлено, что близко находится 33-я Ефремовская армия и отряд двинется на соединение с ней, но немцы вскоре появились и в Кикино. Молодые партизаны решили их «выкурить», напав на комендатуру. Операция удалась, но вскоре сюда прибыли каратели, начались обыски и расстрелы. Всех молодых парней деревни и пленных, оставшихся в Кикине по просьбе старосты Семёнова, погнали в Вязьму в концлагерь.

«Первого августа 1942 года нас поездом доставили в Вязьму. Колючая проволока, десятки сотен оборванных худых людей. Второго августа нас построили и офицер черёз переводчика начал допрос: «Кто из вас партизан?» Молчание. «Кто есть комиссар

и измученный, как и я. А сколько вдохновенных дней я пережил в этом городе до начала войны, сколько стихов было написано здесь... Встреча с Лебедевым-Кумачом... Вечер сестры Маяковского... Вечер Серафимовича... А споры со смоленскими поэтами Николаем Рыленковым, Горбатенковым! Мои пародии на них, выступления на вечере Рыленкова в пединституте... Всё прошло... От Смоленска остались развалины, друзей разметала война...»

Но всё же с некоторыми старыми друзьями здесь встретились, снова учились. Познавали новую технику, вооружения, сдавали экзамены, и Саша был восстановлен в офицерском звании.

В письме брату от 16 апреля 1944 г. на ПП 70128 он пишет: «Нахожусь в резерве Западного фронта. Прохожу переекстазию на строевого командира... Имею сейчас три сборника стихов: «Горькие песни», «Служи стране» и «О поэтах и поэзии». Жду отправки на фронт». А 30 мая 44-го в письме матери: «Опять открылась рана и вывела меня из строя. Этот проклятый остеомиелит замучил меня совершенно». Пришлось опять лечиться в госпиталях. Инвалидность...»

С апреля 1945 года Александр Васильевич стал работать военруком и преподавателем технического черчения в средней школе села Безлюдовка Харьковского района. Работал успешно, имел благодарности и премии РОНО.

После войны оставшиеся в живых узники концлагеря города Вязьмы и Кикино разыскали друг друга.

Передо мной письма моего друга, переживших все ужасы плена и партизанской борьбы. В некоторых письмах к нему обращаются как тогда, в военные годы: «Здравствуй, Павлик!» Письма свидетельствуют о пережитом, о мужестве раненых красноармейцев и военврачей госпиталя, сумевших спасти 700 молодых жизней солдат и офицеров; о жертвенности простых колхозников, помогающих раненым. Передо мной встают как живые образы этих людей.

Вот военврач, профессор Эмиль Львович Ромель. Он сохранил картотеку 700 раненых, медицинский регистрационный журнал, и после войны на основании сохранившихся документов выдавал справки о лечении бывших узников концлагеря, которые их реабилитировали.

Профессор Яблоков сделал сотни операций, лечил раненных в тяжелейших условиях оккупации, когда не было ни лекарств, ни перевязочного материала, ни тепла, ни нормального питания.

Врачи знали пленённых командиров, комиссаров, офицеров, но записывали их под другими именами, берегли их.

Медсестра Мария Ивановна Толочкина лечила раненных, приносила им продукты от колхозников, была связной Владимира Путинцева с партизанами.

А вот простая, почти безграмотная колхозница Иванова Евдокия Ивановна из деревни Осипово Смоленской области. Она раздобыла лошадь, её муж смастерил сани, и, взяв с собой маленького племянника 5 лет, она собирала по деревням провизию для госпиталя: хлеб, картошку, муку – кто что даст. Часто она обменивала свои вещи на продукты. Её прозвали «мать-кормилица».

Леонтьев Сергей Александрович – бывший узник концлагеря и, как он пишет, «одноклассник по печальному житью-бытью в Кикинском госпитале на Смоленщине» – автор очерков о событиях того времени.

И, конечно же, семья Леоновых, с которой Александр Васильевич не терял связи.

Многие кикинцы переселились в Москву и другие большие города. Их судьбы сложились по-разному. Но их объединяли большая любовь к Родине, борьба за её свободу и независимость. Это поколение истинных патриотов и героев. Сейчас мало кто из них остался в живых. Но мы их помним и склоняем голову перед ними, ибо им обязаны Великой Победой.

**Лидия Стрыгина,
вдова писателя**

или еврей?» Молчание. «Кто организатор молодёжи?» Молчание. Офицер начал кричать, грозить: «Я их сгною здесь в лагере, как собак». Один «старожил» – носильщик мёртвых сказал нам, что здесь уже погибло 25 000 человек. Здесь голодные вши и голодные люди. Здесь смерть, с которой не борются...»

Умирали от голода, холода, непосильной для измождённых работы. Люди были худы, больны, завшивлены. Начался сыпной тиф. За пять с половиной месяцев пребывания в концлагере после перенесённого тифа Павел Боженов постарел и исхудал так, что едва походил на себя – кожа да кости. И опять его вызволили из неволи Леоновых – выпросили у немцев за взятки. Да не долго ему пришлось отогреваться в доме спасительницы Анны Филипповны. Всех молодых людей – и мужчин и девушек – немцы погнали под конвоем на запад через деревни и сёла. «Первого мая 1943 года нас пригнали в деревню Милейково (Белоруссия), и здесь мы услышали, что под Починками объявились партизаны. Павел Боженов с маленьким отрядом из пяти таких же пленных приготовились к побегу. Им удалось раздобыть оружие у пьяных немцев, и 25 сентября рано утром они уже были в лесу. Их принял партизанский отряд Шорохова, который потом слился с частями Красной армии.

*Пилотки насквозь у тебя пропотели,
В пыли и грязи, лишь сверкают глаза.
Тебя узнаю я по серой шинели,
Здравствуй, пехота родная моя!*

Сборник стихов «Служи стране»

«Моя долгожданная! Сколько дней и ночей провёл я в мучительных думах о тебе! Сколько ни кем не видимых слёз пролито в ожидании этой встречи!» – такая запись осталась в дневнике.

Теперь Павел Боженов уже назвался своим настоящим именем. Он был назначен командиром роты при 185 зсп. Здесь он встретил боевого товарища лейтенанта Юрченко, который был помкомвзвода в августе 1941 года, когда батальон держал Соловьёву переправу на Днепре. Сколько радости от встречи боевых друзей!

Итак, действующая армия, ожидание отправки на фронт. Но последовала командировка в г. Смоленск для восстановления звания офицера и восстановления в партии.

«Мы встретились со Смоленском как друзья по несчастью – он остался без света, без воды, без красивых улиц; я остался без звания, без документов, без здоровья. Город пробыл пленником 2 года, разбитый

ПРОЗА

ЕГО ВРАГ – БЕЗВРЕМЯ

Врач-психиатр из Дагомыса Валентин Алексеевич Шаталов пишет рассказы и статьи... Литература стала для него вторым призванием. На протяжении ряда лет его произведения публиковались в краевой газете «Литературная Кубань», которую редактировал выдающийся поэт Виталий Борисович Бакалдин, ушедший от нас в канун 2010 года... Яркие лирические и сатирические произведения Шаталова вызвали немало добрых читательских откликов. Сегодня «Кубанский писатель» поздравляет Валентина Алексеевича с 75-летием и публикует его воспоминания об одном незабываемом жизненном впечатлении: встрече с непокорным бунтарем советской эпохи – Владимиром Высоцким.

В народно-патриотических кругах, в печати и устно неоднократно возникает вопрос: а с кем был бы сейчас Владимир Высоцкий, знаменитый в прошлом, ныне покойный поэт, писатель, артист, певец – с нынешними «чубайсами» или с народом? Трудный вопрос. Так все перемешалось. Почему многие диссиденты – Владимир Максимов, Александр Зиновьев, Эдуард Лимонов – влились в наши ряды, а так горячо любимые ранее народом Виктор Астафьев, Василь Быков, Чингиз Айтматов ушли?

Вот говорят, с кем был бы Василий Макарыч Шукшин? Вполне искренна ли его советская патриотическая публицистика? Или это была только защита, оберег? Убежден, что искренна. Ведь Шукшин сам вышел из народа, из самой гущи его. Но что было бы? Боюсь, он замер бы, затаился, занялся другим чем-то. Ведь народное кино, которое творил Шукшин, кончилось, а выгнать разное дерьмо, чернуху-порнуху, прославлять киллеров и банкиров, отравлять народ свой он бы не стал. Ни как режиссер, ни как актер. Да и прозу писать о чем? Не знаю...

Вот в ком я не сомневаюсь, так это в Высоцком. Он был бы с нами!

Владимира Семеновича люблю с юности. Рано понял я, что он большой русский поэт и стоит выше множества других наших бардов. Сперва слушал «магнитофониздат». А с 1976 года, когда учился в Москве, в институте повышения квалификации врачей, – и вживе, на концертах, стараясь не пропустить ни одного. Но один только раз действительно здорово повезло мне: с помощью влиятельного приятеля я попал в компанию, где был и Высоцкий. Это было застолье, человек шестьдесят за одним огромным столом, составленным из нескольких, – «свита» маэстро, ученые, аспиранты, студенты. Пили немного, для настроения. Владимир Семенович пел под гитару, но только то, что хотел сам. Больше говорил, рассказывал, рассуждал, отвечал на вопросы. Это был зрелый Высоцкий, года за два до смерти. Он пил лишь какую-то минералку (говорили: ему нельзя), но все равно был в ударе, говорил легко, артистично, умно, покорив всех присутствующих. «До чего образованный человек! – восхищенно прошептал мой сосед. – Вот это величие! Он ведь одолевает всех наших умников – кандидатов и докторов наук!». «Гений, он, батенька, и в Африке гений!» – согласился другой.

Я совсем не пил, не прикасался к спиртному, а, весь превратившись в слух, ловил каждое слово моего кумира и осаживал его в своей цепкой памяти. На другой день, в воскресенье, я исписал целую общую тетрадь, занеся в нее все слова и события того славного вечера.

Я был потрясен! Незадолго перед тем, знаменитый лектор ЦК КПСС убеждал нас, что «Высоцкий – из числа червивых людишек с раздутым тщеславием пьяниц, неудачников, паразитирующих на гуманизме нашего строя, обгаживал народную власть, ту добрую руку матери-Родины, которая дает им все». Конечно, я этому не поверил, но... западают слова как-то...

И вот вижу. Высоцкий – умный, ответственный человек, большой русский поэт-сатирик. Да еще лирик. И никакой он не антисоветчик, не антикоммунист. Он говорил тогда: «Социализм верно служит большинству людей, он справедлив в принципе, в основе своей, а потому и бессмертен. Но реформы, конечно, необходимы, обрывать мхом опасно,

и чем раньше они начнутся, тем лучше». А когда кто-то задел Ленина, Высоцкий нахмурился и сказал: «Ленина давайте не будем трогать. Подумайте сперва, кто он, а кто мы. Впервые в истории человечества Ленин исполнил мечту всех предшествующих поколений – создал народное государство без паразитов и угнетателей. И слава ему! Вы вот почти все здесь интеллигенты и в первом-втором поколении, а родители, деды и прадеды были крестьянами и рабочими. А уверены вы, что стали бы докторами наук и доцентами, не будь Ленина и революции? Я – нет!».

И еще одно, если не потрясение, то удивление пережил я в тот вечер. Высоцкий, как бы богема по определению, был сторонником не наркозно-хмельного, вакхически-оргазмического, а здорового образа жизни! На вопрос о наркотиках и пьянках он ответил: «Говорю перед вами, как перед Богом: наркотики никогда не употреблял. Ни таблетки, ни пошла, ни уколы. Не вдыхал кокаин, как Вертинский. Раз пробовал марихуану и раз – анашу, крутой гашиш. Но после первой затяжки и то, и другое выбросил. И все. А вот с пьянкой было, да еще как! Но не верьте, что хорошо это. Дрянь это, мразь. Пьяный – это отравленный, больной человек, творческий – труп. У меня есть слова: «Я не люблю такое время года, в которое болею, или пью». Это искренне, исповедально. В пьянстве, даже под легким киром, не сочинил я ни одного стиха, ни одной песни. И если из вас кто испытывает уже потребность каждый день пропустить рюмку, бросайте, пока не поздно. Иначе очнетесь однажды с белой горячкой в шизофрен-доме. Или на том свете. До добра это не доведет, поверьте. А пиво – и совсем дерьмо, ненавижу. Теперь, думаю, в этом плане со мной всё в порядке. Вообще, если б можно было, сохранив память об этой жизни, снова родиться, я бы не пил вовсе. И не курил. Это ж надо: по 20 раз в день сажусь на крючок дьявола! И это уже до смерти».

Я никогда не пытался опубликовать хоть слово из моей толстой тетради. Потому и рискнул предложить читателям еще малость.

О своем творчестве он сказал: «Песня – это особый род музыки, где мелодия превалирует над стихами. При всей, например, силе слов фактического гимна Великой Отечественной войны «Вставай, страна огромная!» – богатырская мощь музыки Александрова превосходит всё. В песне есть свои правила: повторы, припевы и прочее. Моя песня авторская, песня поэта, то есть это прежде всего стихи. Сейчас люди делаются всё дурашливее, зрелищная сторона для них чуть ли не важнее смысла, и пение под гитару – просто особая, броская подача материала.

Я – русский поэт. Сочиняю, пишу стихи. Большинство так и остается стихами. Одни пишу сразу, быстро, к другим возвращаюсь, правлю, третьи – совсем трудно. Качество от этого не зависит. Порой чувствую, можно петь. Подбираю мотив. Тут все быстрее, долго не мучаюсь. Вот – примитив. Ладно. Это из головы моей. Но порой чувствую: музыка пришла как бы извне, в подарок. И хороша вроде. Но все равно, главное – стихи, смысл. Вы заметили: мои песни не имеют повторов, припевов. Как правило. И пение не замедляет, а ускоряет исполнение. То есть это особый, мой личный жанр, где все завязано на меня, мою личность. Не думаю, что кто-то будет петь мои песни после меня. Беранже, правда, поют, сам слышал. В Париже. Но если кому-то будут нужны

и мои мотивы, он всегда сможет перецифровать их на ноты из моих фонограмм и запечатлеть на бумаге. Сам же я не могу толком оценить их, ибо музыкально неграмотный, к сожалению. Знаю лишь, что стихи мои будут напечатаны, и в скале русской поэзии я займу небольшую, но принадлежащую только мне оригинальную нишу».

А это про убеждения, кредо Высоцкого:

«Главное направление творчества людей – реализм, правда жизни. Но социалистический реализм, боюсь, отыграл своё. Он ведь, что бы ни говорили, подразумевает некоторую подмену того, что есть, тем, что должно быть. Но не стало. Сейчас, например, уже с трудом верится, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Я же реалист критический. Думаю, каждый должен иметь право разоблачать мерзость жизни, невзирая на лица и обстоятельства. Писать можно про всё. Вот только нравственный уровень создаваемого должен быть столь высок, чтобы ни у кого не возникло сомнений, на чьей стороне автор. Ведь продолжается, идет в мире и никогда не может быть, не закончится яростная борьба зла с добром. Я был, есть и буду всегда на стороне добра! А добро – это все, что способствует счастью честных людей, честных тружеников, народов, всего человечества. Зло – что мешает этому. Правда, даже горькая, – добро. Ложь, пусть и во спасение, – зло. Это – кредо моё! Стою на том и стоять буду».

Владимир Семёнович говорил это спокойно, ровно, без пафоса. Но твердо и непреклонно. Выстрадано. Но как горько звучали другие слова поэта:

«Четверть века почти я работаю над стихами и песнями, дошел, может быть до конца своего. Меня знает вся Россия, Союз, можно сказать, весь мир. Почему же ни одна моя строчка не напечатана до сих пор на моей Родине, которую я так люблю? За что?!»

Народный поэт обижен был народной советской властью. Парадокс! Но это была власть эпохи Брежнева, простого и крутого застоя.

В заключение вечера он сказал:

«Некоторые говорят обо мне: «Как же, хрипун с гитарой, кино- и театральный актер». Есть, конечно, и дураки. Но другие – коварные негодяи. Таким образом они хотят выхолостить главное во мне, зачеркнуть и перечеркнуть мой путь в русской литературе. А я говорю: «В том числе и актер». То есть, актер – не главное. Поэзия – вот что! Это главный труд моей жизни, единственный след в истории».

Зрелый Высоцкий старался преодолеть «бытовуху» (истории про алкашей и ментов стали ему тесны, как детские джинсы), выйти на большие темы, со всем блеском таланта оригинально ответить на важные «вечные» вопросы. Он говорил:

«Мои враги – безвременье и рожденные им чудовища: обывательщина, мещанство, безразличие, мелкотравчатство». И у него получалось! Хоть и не без труда...

Какие же горизонты открылись бы перед ним теперь! Он не только был бы с народом, но и создал бы произведения огромной сатирической и гражданской силы! Фронда бы кончилась. Всеми своими силами, всем могучим талантом, стал бы спасать он своё Отечество.

Валентин Шаталов,
п. Дагомыс

ПОЭЗИЯ

Кронид Обойщиков

ГОДЫ

Годы, годы, вы, как птицы,
Прилетали в светлый дом.
Было любо вам гнездиться
В моем сердце молодом.

Принимал, как Божью милость,
С вами в стае стал летать.
Сколько птиц теперь скопилось –
Нелегко пересчитать.

Каждый год считал хорошим
И как мог, я все берег.
С песней нес я эту ношу
По тоске степных дорог.

Но темнее стали дали,
Стало тягостней кружить,
И готов я, как медали,
Вас в шкатулочку сложить.

Все пропето, пережито,
Отгремел игривый гром.
Но окно мое раскрыто
И не спит аэродром.

Мы когда-то уйдем за ограду
И оставим, как радость и боль,
Небу – звезды и яблоки – саду,
Знамя – Родине, детям – любовь.

Пламя душ – остывающим домнам,
Полю – колос, морям – корабли,
Наши слезы и горести – вдовам,
А возьмем лишь два метра земли.

Лишь два метра. Но будем мы рады
Что богаты, как были всегда.
Это ж рядом – всего за оградой –
Звезды, яблоки и города.

Не ходить мне на свиданья –
Глаз померкла синева.
Для любовного признанья
Растерял я все слова.

Постаревший, некрасивый,
Никому уже не мил.
Но тебе, моя Россия,
Я словечко сохранил.

То словечко, как колечко,
Я на память подарю.
На прощанье перед свечкой
Душу настезь отворю.

И в последний миг бессилья
То словечко прошепчу...
Но пока с тобой, Россия,
Расставаться не хочу.

ОДА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Сияло все в подлунном мире,
Вокруг меня, во мне самом –
Я долгожданную квартиру
Открыл врученным мне ключом.

Давать я взятку не научен,
Но благодарным быть хочу.
Вот подвернулся славный случай –
И стих хвалебный я строчу.

Еще недавно, по старинке
Мы фразой тешились одной
И повторяли без запинки:
Спасибо партии родной.

А ныне в день такого счастья,
От свежей радости такой
Я шлю спасибо нашей власти –
И краевой, и городской.

И Президенту молодому,
Что в назидание века
Дал завоеванную долю
Спокойных дней фронтовикам.

Еще пою я эту оду,
Не первый, не последний раз
Тому великому народу,
Что все последнее отдаст,

Чтоб только воин наш российский
Знал в трудной службе наперед,

Что с первых дней до обелиска
О нем заботится народ.

И что дойдут закон и совесть
Во все Отечества углы.
И нашу воинскую доблесть
Взнесут державные орлы.

НЕЛЛИ ВАСИЛИНИНОЙ

Своим учителем Вы числите меня,
Но я бессилён подсказать Вам строки.
И все мои поспешные уроки,
Как печь зимой без страстного огня.

Медлительно и нежно Вы несли
Души своей бесцельные богатства,
И отсекая всяческое рабство,
Вы сами стих свой к славе вознесли.

Работайте бесстрашно в тишине,
Моя любовь за все наградой будет.
Ваш след найдут старательные люди –
И счастье заколышится во мне.

СМЕРТНИЦА

О, женщина, могла бы в чреве ты
Нести дитя – создание Аллаха.
Но ты несешь
Могилы и кресты
На поясе проклятия и страха.

Прекрасны твои черные глаза
И гибок стан.
Но дни твои сгорели,
И как петля, затянута коса
На тонкой шее вспугнутой газели.

Остановись! Душой ты чище тех,
Кто обманул тебя приходом рая.
Остановись! Сними с себя свой грех,
Красивая и молодая.

Ты для любви и счастья рождена
В родном краю божественно прекрасном.
Ты убивать невинных не должна,
О том Коран глаголет ежечасно.

Сама хозяйка ты в своей судьбе.
Прислушайся, как тихо, но упрямо
Твой не зачатый сын кричит тебе:
Я жить хочу, ты не шахидка, мама!

Татьяна Соколова

ОБРАЩАЮСЬ К МАТЕРИ

Я хочу в облаках жить с тобой.
Видеть всех – богатых и бедных.
Слушать песни их ранней весной
В ярких облаках разноцветных.
Вздых твой ветер с луны принес,
На холмах цветы заалели...
Землепашцы застыли от слез –
Без работы, будто без цели.
Снится ей православный народ,
Ходят русичи с нищей сумою,
Мама в Славянске тихо живет,
Мамин взор орлит над землею.
А в округе шумят тополя,
И в России голодных не счесть.
Мама, стерпит ли наша земля,
Как могу я досыта есть?!

ЛОДОЧКА СМОЛИСТАЯ

Лодочка смолистая
По реченьке плывет.
Ой, никто в той лодочке
Песню не поёт.

Облачко у бережка
Над речной осокою,
Ой, ты лодочка
Молоденька, –
Что ж ты одинокая?

Селезни по реченьке
Парами плывут,
На шелковой муравушке
Утицы живут.

Над лодочкой смолистой
Чибисы летают.
Ой, чего ж я одинокая?
Об этом ночка знает.

ПОЛЕ КОЛОКОЛЬНОЕ

Поэту В. Горскому

Жил он рядом, за углом,
Жил он беспокойненько.
Кура пела петухом:
Предрекла покойника.
А к утру и в самом деле
Нежно, как ребеночку,
Парню видному одели
Белу рубашончку.
Вот тебе и крепкий ельник,
С частым перелесочком...
В белом он лежит, как мельник,
Рукава в замесочку.
Нитку чудную не тронь,
На игольном кончике...
Он таил живой огонь
В синем колокольчике.
Но сгорел его цветок –
Стали пеплом листики,
Лег поэт и занемог;
Все поэты – мистики.
Что за лед у нас в глазах?
Слезонька невольная.
Дай... ему на небесах –
Поле колокольное!

НАША ВОЛЯ

Чешет в поле кудри их
Ветер крутойярый,
Растоптали кони тын,
Расступились хмары...
Запрягайте, хлопцы, коней –
Потушить стожары!

Запрягайте хлопцы, коней,
Буйногривых воронят,
Мы отыщем свою долю,
Батьки путь нам окрестят,
И прознаем чьи то в поле
Огоньки горят?

Запрягайте, хлопцы, коней...
Гей, величина вольница!
По широкому раздолью
Разметнулась конница:
Будет вам ярмо тянуть
И всю жизнь неволиться!

В ДЕНЬ СВЯТОЙ ТАТЬЯНЫ

Святительнице бью земной поклон,
Над нимбом у неё хрустальный звон,
Жужжат в лицо январские шмели,
Метели все дороги замели.

Снежинки серебрят седой плетень,
Поют на ветках льдинки целый день.
Кружит лавиной снежной пелена,
И в облаченье Вечности – Она!..

Распятая любовью, я молюсь
И головы поднять с земли боюсь.
Святой Руси грозят из-за угла,
Как мне любить, не потревожив зла?..

Светлана Ещенко

ПАМЯТЬ

Лег в переулки душевные
Мягкий лиловый свет.
Вечер омоет душу мне
Памятью давних лет.
Степь, вся от пыли сивая,
Жалобный скрип колёс...
Тянут воли ленивые
Старый, трясущийся воз.
Небо в весёлых крапушках,
Месяц бредёт пешком
И укрывает матушка
Нас шерстяным платком.
Что там за поворотами
Было и не сбылось?
Всё не доедет до дому
Старый скрипучий воз.

И совсем не больно, нет,
Смутно.
Может, вправду верить мне
Трудно.
Но открою, как во сне,
Двери
В этот дом, где каждый мне

Верит...
Там подсолнух желтизной
Вьется,
Повернувшись головой
К солнцу.
Там и облако в реке
Дремлет
И качает на руке
Время.

Сквозь скрипучую дверцу
Ненароком во сне
Конопатое детство
Вдруг явилось ко мне.
С ним весеннее утро
Золотым петухом –
Так приветно и мудро
Улыбался наш дом.
Ряднецом домотканым
Стался под ноги пол,
А на кухоньке мама
Накрывала на стол.
И струился сквозь сердце
Лучик тонкий, как нить,
Будто радости детства
Дал Господь мне испить.

Под горой, на лугу зелёном
Одуванчики – россыпь звезд...
Опустила в ручей студеной
Ежевика копну волос.
В ряд уселись лягушки греться
На камнях, не страшась беды.
И сбегает по тропке детство
К роднику – зачерпнуть воды.

ПОЕЗДКА

В ожидании заката
День, как будто, замер...
С косогора смотрит хата
Грустными глазами.
А воли шагают мерно
По степному шляху
И возница пыльно-серый
Расстегнул рубаху.
Я у мамы на коленях,
Снизу – воз трясучий.
На полдня предаться лени
Подвернулся случай.
Уезжаю «на край света» —
В ближнюю станицу...
Мне потом поездка эта
Долго будет снится.
Как воли идут к закату
Мерными шагами
И как вслед нам смотрят хаты
Грустными глазами.

СТАРАЯ ХРОНИКА

Память – старая хроника,
Где, построившись в ряд,
Семь фарфоровых слоников
На комодке стоят,
Где тоскует гармоника –
Горько и вразяг,
И где мама и сродники
Счет ведут новостям.
Крыш соломенных золотом
И забор под плющом...
Все красивы и молоды,
И все живы еще.

ВСЁ НАПРАСНО

День к закату повернется,
Солнце к ночи двинется...
Мне б с соседкой у колодца
Словом перекинуться
Да серебряной водицы
С искрами от солнышка
Мне бы досыта напиться
Прямо из ведерушка.
Все напрасно. Видно, крепко
Время понапутало:
Нет колодца, нет соседки,
Нету даже хутора.
Нет на свете той хатенки
С комнатками тесными,
Нету даже жаворонка,
Что резвился песнями.
Не запутается ветер
В занавесках ситцевых.
Только память на рассвете
Скрипнет половицею.

ДЕБЮТ

Прошло несколько недель. Честно говоря, Егор не особенно считал дни. Он был так занят, благодаря бесконечным заданиям своей бабки, что едва вечером доносил голову до подушки. И это вполне устраивало подростка. По крайней мере, у него практически не оставалось времени на раздумья о маме, Алене и прочих вещах. За все время выдался один только выходной. Вернее, бабка оставила его в покое во второй половине дня.

– Семик, сегодня, – пояснила она ему, – уйду на гору с другими ведовками встречаться. Егор не имел представления о том, что такое Семик. Но ему стало очень обидно, что Ираида идет без него.

– Не грусти, – Ираида ладонью взъерошила его волосы. – Авсень ты пропустил – это малая встреча весны. Сейчас Семик наступает. С весной прощаемся, лето приедем. За ним Русальная неделя. Станем березку обряжать, договора о дружбе заключать, смотреть, какое лето выдаться, да песни обрядовые распевать. Но настоящее веселье будет на Ивана Купалу, тогда и пойдешь со мной. А сегодня отдыхай. Отоспись, что ли.

Совет был как нельзя верным. Последние несколько ночей было полнолуние. И бабка учила его летать по лунному свету.

– В полнолуние его поймать легче, – настаивала она, после того, как Егор совершал очередной кувырок с крыши в прошлогодний стог сена. Летом то оно сподручнее. Не так одежды много, а потому легче. Зато сейчас в грязь не свалишься.

Егор тем временем вылезал, отплевываясь, из подпревшего сена и упрямо поднимался по лестнице на крышу. В целом, после трех дней занятий он мог с трудом парить над землей в течение пары минут. Правда, однажды Егор, преодолев собственный страх высоты, просто птицей взмыл в небо. Но на луну неожиданно набежала тучка, и он понял, что падает камнем вниз. В полуметре над землей он беспомощно завис: не получалось ни спуститься вниз, ни подняться вверх.

– Все в порядке, внучек, – рядом с ним плавно опустилась на землю Ираида. Она повернула левую руку ладонью вниз. Егор тотчас оказался на земле.

– Ба, я же мог разбиться? Это ведь ты меня спасла, да? – Егор, сидя на земле, поднял на Ираиду глаза. От волнения он слегка заикался. Волосы слиплись от пота. Зато щеки постепенно переставали быть мертвенно бледными, приобретая естественный цвет.

– Испугался, родной? – бабушка присела рядом и ласково прижала его к себе.

– И вовсе она не суровая и не злая, – подумал про себя Егор. Ему стало спокойно и хорошо.

– Вот и ладненько, – внезапно отстранилась от него Ираида. – Ну, вставай, чего сидишь? – она легко вскочила на ноги. – И помни, я не бабка, а тетка. И вовсе бы ты не разбился. Может, покалечился бы чуток. Но для ведуна это не смертельно. А теперь, пока луна не зашла, давай еще разочек попробуем.

Нельзя сказать, что слова бабки успокоили Егора. За всю свою жизнь, он всего один раз сломал руку. В самом начале занятий паркур, не успев сгруппироваться. Тогда ощущения были не из приятных. И хотя ходил он в гипсе всего неделю из четырех положенных, вспоминать об этом было противно. А тут он мог получить несколько переломов сразу. Подумать только?! Егор тяжело вздохнул. Ему совсем не хотелось снова учиться летать. Впрочем, после той травмы, ему и паркур не хотелось заниматься. А ведь через два года он стал одним из лучших, доказав и себе, и другим, что может. Егор сцепил зубы и полез опять на крышу. Он ненавидел эту лестницу, эту ночь, луну и дурацкую метлу, которая все время путалась под ногами.

– Тетя, – повернулся он к ней неожиданно, – а ведь ты ко мне вниз без метлы слетела.

– Так зачем она нужна, – пожал плечами Ираида. – Нет, конечно, если на встречу куда летишь, тогда уж без метлы не принято. Это как традиция. А так, по своим делам, да торопиться, только мешает.

– Тогда я тоже без метлы, – Егор осторожно положил ее рядом с собой на крышу. Потом, поймал полосу лунного света, и ступил

на нее, раскинув руки, словно это могло бы помочь ему удержаться в воздухе. Дыхание перехватило. Он постоял так пару секунд, осознавая, что ему удалось это сделать. Он висел в воздухе рядом с крышей.

– Молодец, – похвалила его бабка, – а теперь лети вперед. Не ногами переступай, а лети.

Егор не двинулся с места. – Ну, поставь себе цель, – как ни в чем не бывало, продолжила бабка, – допустим, достичь забора или колодца.

Егор выбрал в качестве ориентира забор.

Ему послышалось или в ее голосе звучала гордость? И все-таки что-то было не так. Он понял что, когда посмотрел на небо. Там не было луны! Она исчезла. Вернее была закрыта набежавшими тучами.

– Ираида, луны давно уже нет, – уставился он на бабку, чувствуя нарастающую панику.

– Да, давненько. Тучки эти, чтоб им. Почти сразу набежали, как ты взлетел. А что сам-то не заметил? – невинно спросила бабка, заботливо укутывая его шалью.

Марина Епатко

СЫН ВЕДЬМЫ
ОТРЫВОК

Роман-фэнтези... Что это? Литературный жанр или мимолетное веяние скоротечной моды? На страницах литературных изданий редко предоставляется слово писателям, чье творчество переносит нас в мир оборотней и вампиров, ведьм и леших... Подобного рода произведения традиционно считаются несерьезными. А между тем, фантазийные и мистические темы интересовали многих великих писателей, например, Н. В. Гоголя, Эдгара По... Невольно подумаешь о том, что в литературе нет хороших или плохих жанров. Все зависит от мастера...

Сегодня на страницах «Кубанского писателя» наша газета впервые предоставляет слово автору авантюрно-фантастического романа «Сын Ведьмы» Маргарите Епатко. Она живёт в Краснодаре, член Союза журналистов, автор нескольких фантастических книг.

Роман опубликован издательством «Астрель» в Санкт-Петербурге, в серии «Фантастика настоящего и будущего». Пусть название этого произведения не пугает читателей. Герой романа – обыкновенный старшеклассник, который до поры до времени даже не подозревает о своих необычайных способностях. Но даже «сыну ведьмы», нужно немало учиться, чтобы творить чудеса...

Людмила Бирюк

Ему очень не хотелось в случае неудачи свалиться в ледяную воду. Выбрав цель, он на удивление легко заскользил по воздуху. Через пару мгновений, свободно паря над забором, он решил облететь по кругу двор. Потом пролетел рядом с банькой и, обессиленный, приземлился рядом с поленицей.

Егор чувствовал себя выжатым, как лимон. У него не только дрожали руки. Его всего бил озноб.

– Экий ты нервный – подошла к нему бабка.

– То есть я опять мог упасть? Но ведь я же не упал. Тогда что получается?

Егор вспомнил многочасовые наставления Ираиды об особенностях лунного света, о том, как правильно выбирать угол, под которым возможны полеты и уже в который раз почувствовал себя полным идиотом.

– Это значит, летать можно и без луны. Так? – он вопросительно посмотрел на бабку, прожигая ее взглядом. Вот только в почти полной темноте взгляда этого было не видно.

– Так то оно, так, – пробормотала Ираида, потихоньку подталкивая его к дому, – только не все просто. Кому-то луна нужна, а кому-то особо одаренному и не особенно. Пойдем-ка домой. Чайку поьем. Перенервничал ты. Согреться тебе надобно. А то ведь и, правду говорят, все болезни от нервов.

Егор дал увести себя в дом. Там на столе уютно горели свечи. И ждал уже горячий самовар. Он по детской привычке обхватил руками горячую чашку и понял, что действительно успокаивается.

– Зачем ты меня обманула? – Егор серьезно смотрел прямо в глаза Ираиде. Его темно-серые, практически бездонные серые глаза напомнили Ираиде совсем другого человека, и она внезапно разозлилась.

– А что я тебе должна была сказать, внучек? Поверь в себя, прыгни с крыши и полетишь? Так ты бы меня за выжившую из ума дуру принял. Ведь так?

Егор не мог не согласиться с доводами, поэтому благомысленно промолчал. Но Ираиду, видимо, уже нельзя было остановить.

– Вы ведь все вокруг теперь такие умные. Материалисты хреновы. Вам все нужно по полочкам разложить, доказательства предоставить. Вот тебе и была целая научная теория про лунный свет. Только не я ее придумала. – Ираида подскочила, выбежала в соседнюю комнату и вернулась с какой-то истрепанной, покрытой пылью книжкой. Эту книгу в отличие от остальных в доме не жаловали. А держали скорее из милости. – Вот смотри, – она всунула ему книгу в руки.

– Иоганн Готингейм «Жизнь ведьм и способы борьбы с ними». Это что? – искренне удивился Егор.

– Иезуит один написал. Считал, что хорошо в ведьмах разбирается.

– Иезуит, этот тот, кто ведьм преследовал и на кострах жег? – спросил Егор, недоумевая, как такая книга могла оказаться в доме у его бабушки.

– Ну да, – Ираида поджала губы, не желая продолжать эту тему. – Открой, это в середине.

Егор перелистнул крошащиеся в руках страницы и нашел нужную главу. «Полеты с помощью нечистого». Готический шрифт был очень неудобен для чтения. Тем не менее Егор нашел нужный абзац.

«А еще ведьмы летают с помощью лунного света. Делают они это в полнолуние. Вылетают на шабасы через трубу на метлах», – Егор попрехнулся от смеха, представляя, каких это размеров должна быть труба, чтобы вылететь через нее на метле. Это не ведьмой надо быть, а цирковой артисткой.

– Ты дальше-то читай, – не поняла его веселья бабка.

Дальше нудно пересказывалось, как именно и из чего делают ведьмы метлу. Какие заговоры произносят. А потом шло подробное описание структуры лунного света. С разбором того, как именно и куда надо ступать, чтобы взлететь. В общем, это и был источник той самой чуши, пересказанной ему бабушкой.

– Но если все это чепуха, – он осекся под ее строгим взглядом, – то есть теперь я знаю, что все это глупости, я не понимаю, почему полетел. Это эффект самовнушения, что ли?

– А тебе обязательно нужны объяснения? – спросила в ответ бабка. – Может они и есть, но я их не знаю. Я уверена в том, что такие, как мы, могут летать. И все. Для меня этого достаточно.

– А тут еще говорится про какие-то мази для облегчения тел в полете. – Егор снова заглянул в книгу.

– Ага, как же. – Ираида взяла у него книгу и гневно захлопнула. – Они, прикрываясь этими якобы волшебными мазями, знаешь, сколько обычных знахарок уничтожили? – она унесла книгу в другую комнату.

– На самом деле при луне взаправду легче летать. – Ираида опять вернулась в комнату и налила им по второй чашке чая. – Знаешь почему?

Егор недоуменно пожал плечами. Он не мог уследить за ходом мыслей бабки.

– Потому, дурачок, что лучше видно. И меньше шансов в темноте наткнуться на какое-нибудь дерево или гору.

Егор подавил смешок, но, увидев хитрые глаза бабки, не выдержал и засмеялся.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАПАСНИК

КАЗУС

Случай, обычно сложный, запутанный или необычный, смешной, мы называем **казусом** (лат. **casus**). В юридической практике случайное действие, имеющее внешние признаки правонарушения, но лишённое элемента вины, квалифицируется как казус. По этой причине виновный не может считаться наказуемым. Казусом иногда считают очень сложное, запутанное дело в судопроизводстве.

Казуистика – философское учение «о господстве в мире случайности», которое проповедовали многие стоики. **Стоя**, философское течение, появилось в Греции благодаря усилиям Зенона из Китона приблизительно за 300 лет до н.э. Проблема казуса в природе отношений человека и Космоса занимали грек Клеанф, которому принадлежат бессмертные слова: «*Мы живем, движемся и существуем в нем (Боге-Космосе)*», также Посидоний, Эпикур, Сенека, Эпиктет и даже император-философ Марк Аврелий. Позднее казуистика становится частью философской науки о морали, которая определяет поведение человека в обществе («казус совести», «мера греха» и т. п.) в определенных условиях и событиях. По сути, она – наука религиозной нравственности, подведение совести под силу обстоятельств. А всякое нравственное состояние, согласно стоикам, является не чем иным, как самосохранением и самоутверждением. Отсюда, все грехи и безнравственные поступки есть саморазрушение, утрата собственной человеческой природы, болезнь души.

В римском судопроизводстве существовал термин **causa**, обозначающий **дело** или **причину**, а казуистика в этом смысле – рассмотрение отдельных судебных дел, казусов, с точки зрения существующих норм права. В переносном смысле казуистика – изворотливость в доказательстве ложных или сомнительных положений, иными словами, **крючкотворство**.

ЛАКОНИЗМ

В долине реки Эврот на юго-востоке Пелопоннеса была такая историческая область Лакония, или Лакедемон, где жили **спартанцы** (от греч. **spartoi** – «*проросшие из зубов дракона*»). По легенде, предки спартанцев после Потопа проросли из зубов дракона, посеянных богами, а их могущественное государственное образование с тех пор носило гордое название Лакедемон. Спартанцы отличались от прочих эллинов строгими, а порой жестокими нравами и законами, безупречным военным искусством, но ещё и анекдотическим немногословием. По мнению античных авторов, речь их отличалась от других греков необычайной краткостью и чёткостью, блистала остроумными высказываниями: отсюда лаконизм (**lakonismos**) – краткость и доходчивость речи.

У спартанцев имелся такой девиз: «*Врага достаешь мечом коротким – ближе будешь к цели!*»; они виртуозно владели своими короткими мечами. Но это относилось и к ораторам: спартанцы терпеть не могли праздных разговоров и замысловатых тостов. Увлечённому оратору они обычно кричали: «Короче, если можешь! Начало речи мы забыли, а остальное не поняли!». Действие **лаконической** речи они сравнивали с действием спартанского меча – «*меч входит в тело не от удара, а более – от нажима, так и слово оратора в душу!*». Классическим примером лаконизма жителей Спарты может послужить их ответ македонскому царю Антигону Дозону, который заявил в послании: «Если я вступлю в Пелопоннес, Спарта будет уничтожена!». Они прислали ему свой краткий ответ: «**Если...**»

Исторической справедливости ради, следует отметить, что храброго Антигона их остроумие не остановило, и в 221 году до н. э. в битве под Селасией македоняне наголову разбили войско Спарты, выступившее во главе с царем Клеоменом III, тем самым окончательно подорвав былое могущество Лакедемона и Спарты.

ведущий рубрики **А. Ильяхов**

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Евгений Рыднев

Ровеснику военных лет

Братишка, ты меня прости
За то, что не был на войне,
Что не сумел тебя спасти
В её губительном огне.
Когда ты из последних сил
Ползти пытался в свой окоп,
Тебя от пуль не заслонил
И дотащить тебя не смог.
В грязи окопов не сидел,
С тобой махорку не курил.
И после боя не седел,
За то, что ты не долюбил.
...И перед ней я виноват,
Что был не мил ей белый свет,
Что был тогда я не солдат –
Родившись через много лет.

Что стоишь, ветеран?

Что стоишь, ветеран,
Опершись на костыль,
Возле парня, что в бронзе
Навеки застыл?
Губы нервно дрожат,
Покраснели глаза.
И по руслу морщин
Побежала слеза.
Головою поник,
Снял фуражку свою,
Как тот парень – солдат,
Ты застыл на ветру.
Но всем грозам назло –
Улыбается он.
Из твоей же груди

Вырывается стон.
Будто доля его
Лучше доли твоей,
Будто горя испив,
Ты завидуешь ей...

По жизненным, причудливым
волнам.
Всё худшее, что волнами
не смыло
и лучшее, что есть, разделим
пополам.
ст. Брюховетская

Анна Казаченко

«Я люблю тебя!» – каким-то
неземным,
Ты голосом меня своим
ласкаешь.
И будто слов других
не знаешь,
И будто места нет
словам иным.

«Я люблю тебя!» – как
аромат весны.
Я впитываю нежные
три слова.
И впитывать хочу их
снова, снова,
Чтоб через всю жизнь
их пронести.

Ты, наконец, собрался
якорь бросить.
У моего свободного
причала.
Два наших сердца нас
об этом просят,
ведь их любовь навеки
повенчала!
Отплавались, немало нас
штормило.

Людмила Рыманова

Осенний лес застыл в мольбе,
Воздевши ввысь золотые руки:
«Возьми листву мою к себе,
Не обрекай её на муки!»
Не так ли ты, моя душа,
Уставши от Судьбы гоненья,
Вдруг замираешь, не дыша,
Шепча молитву о спасеньи...

Брожу по улицам осенним не одна,
Со мною осени живая тишина.
Она даёт почувствовать острее,
Что в глубине души незримо зреет,
Что часто прячем за семью замками,
И заглянуть туда боимся сами!

Темпераментные клёны
Жаром небо обдают
Листья золотом краплёны,
Кружат в танце там и тут...
Только ветер охлаждает
Буйно-страстный их полёт,
С голубых вершин бросает,
Прямо под ноги кладёт...

Сергей Сычев привлек к себе внимание первой же своей книгой «Хороводы», вышедшей в 2007 году в издательстве «Раритеты Кубани»: легкий и образный язык, юмор и добрая ирония, лиричность и теплота, свой «сычёвский» стиль – все это говорило о том, что в литературу входит новый интересный и самобытный писатель.

И вот теперь новая книга – «Имя». Книга в некоторой степени неожиданная, по крайней мере – для меня. Первое, что бросается в глаза, – неторопливость повествования. Автор явно писал не спеша, не стремясь к сохранению привычной для него легкости и лиричности, озадачивая читателя неожиданностью взгляда на мир. Мир внешний и, главное, мир внутренний, мир мысли и души. Чтение это легким не назовешь, но, войдя в его неспешный, неторопливый ритм, выходить из него уже не хочется.

Сюжетная канва вошедшей в книгу одноименной повести вполне вписывается в реалии современности, но движения души и рассудка исподволь уводят автора, а с ним и читателя, в те выси, где властвуют и Кафка, и Мураками, и Пухов. И это все при том, что нет в повести ни сползания в абсурд, ни потери ясности и лиричности

НАЙТИ СВОЕ
СОЛНЦЕ

(о новой книге прозы Сергея Сычева)

в описании непростых, а порой и в чем-то мистических, душевных коллизий.

Слушай мир и мир отзовется в тебе – этот принцип помогает С. Сычеву оставаться собой и, никого не повторяя, идти в литературе своей дорогой, осваивая и заполняя в ней те пространства, к которым остались равнодушны писатели-современники.

Пространства, которых так не хватало ему самому.

Сергей Сычев в своем творчестве достаточно одинок, но его не пугает опасность выглядеть немодным или остаться без читательской аудитории. Он знает, что искусство далеко не всегда может быть массовым и подлинность его проверяется только временем. Возможно,

именно это и делает его прозу неповторимой.

При чтении книги невольно возникает ощущение того, что автор стоит на пороге широко распахнутой двери, за которой протекает другая жизнь, являющаяся отражением жизни нашей. Возвращение к себе – таков доминантный мотив разворачивающегося повествования. Уловив этот мотив, которому Сергей Сычев придает мистическую окраску, читатель переносит взгляд на себя самого и невольно задается непростыми вопросами, которые едва ли приходили к нему раньше. Поэтому совсем не случайно книгу открывает эпиграф, содержащий в своей единственной строчке совсем не риторический вопрос: «Взгляни: а под тем ли ты Солнцем стоишь?»

«Так о чем же эта книга?» – спросит читатель. Вряд ли получится однозначно ответить на этот вопрос. Много оттенков и смыслов содержится в ней. Каждый увидит здесь что-то свое. Вчитайтесь, вслушайтесь в её биение и, как знать, может быть, наш мир откроется вам с самой неожиданной стороны.

Алексей Горобец,
лауреат премии
им. Михаила Булгакова

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России.

Издатель: ИП «Кириллица»

ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, Н. Ф. Иванов (Москва), Н. А. Ивеншев, Б. И. Лукин (Москва), Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Пореяслов (Москва), А. Н. Пономарёв.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000

г. Краснодар, ул. Коммунаров, 43

тел. 8-961-509-30-53,

тел. 262-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайте

Краснодарской краевой универсальной

научной библиотеки им. А.С. Пушкина

www.pushukin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флёр-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ №

Подписано в печать

в 10.00, 17.09.10 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Цена свободная